

А. В. Успенская⁵

«ПРЫЖОК С СЕДЬМОГО ЭТАЖА...» («Литературоведение» А. А. Фета)

В восприятии нескольких поколений Фет — прежде всего поэт. Художественная и очерковая проза,

критика, публицистика, равно как и многообразная сельскохозяйственная деятельность воспринимались

⁵Профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук.

как удел помещика — Шеншина: «Искупят прозу Шеншина стихи пленительные Фета», — писал А. Жемчужников. Но чем дальше продвигается изучение наследия Фета, тем очевиднее становится значительность и глубина разных сторон его творчества.

В настоящее время силами ИРЛИ (Пушкинско-го Дома) и Курского государственного университета осуществляется 20-томное собрание сочинений Фета. Литературная критика, представленная в третьем томе, прошла для современников практически незамеченной, чему были разные причины: Фет постоянно шел вразрез с общепринятыми установками, являя оригинальный подход к проблемам, отказываясь примкнуть к какому-либо из литературных и общественных лагерей. Кроме того, для массового читателя оказался весьма сложным аналитический стиль Фета с многочисленными отступлениями, развернутыми примерами и метафорами, блестящими афоризмами, свободными и неожиданными переходами к разным сторонам проблемы. И по сей день, несмотря на отдельные публикации, эта сторона творчества Фета остается практически неизученной.

Критическое наследие Фета делится на статьи, посвященные литературе и искусству в целом («Ответ на статью “Русского вестника” об Одах Горация», «О стихотворениях Ф. Тютчева», «Что случилось по смерти Анны Карениной в “Русском вестнике”», «По поводу статуи г. Иванова на выставке Общества любителей художеств»), и на публицистические статьи, отталкивающиеся от конкретных литературных произведений, но прямо посвященные общественным проблемам («Роман Н. Г. Чернышевского», «Фамусов и Молчалин»). Особняком стоит статья «Два письма о значении древних языков в нашем воспитании», представляющая собой интереснейшее публицистическое эссе о всемирном значении античной культуры.

Рамки небольшого доклада позволяют нам рассмотреть только две статьи, наиболее ярко иллюстрирующие парадоксальные взгляды Фета, часто представлявшие современникам, пользуясь собственным фетовским выражением, «прыжком с седьмого этажа».

Новаторство литературных взглядов Фета проявилось прежде всего в статье о Тютчеве, явившейся его литературным манифестом. Фет решительно отверг узкогражданское понимание поэзии: «...вопросы: о правах гражданства поэзии между прочими человеческими деятельностями, о ее нравственном значении, о современности в данную эпоху и т. п. считаю кошмарами, от которых давно и навсегда отделался» (с. 176)¹. Таким образом, Фет отвергает саму постановку вопроса — нужна ли литература и какая?

Вопрос в другом — что следует понимать под словом «поэзия»? «Поэзия <...> есть чистое воспроизведение не предмета, а только одностороннего его идеала; воспроизведение самого предмета было бы не только ненужным, но и невозможным его повторением. У всякого предмета тысячи сторон <...> но в том-то и дело, что художнику дорога только одна сторона предметов: их красота, точно так же как математику дороги их очертания или численность»

(с. 177). Что же такое — «красота»? Поэтическая деятельность, по Фету, складывается из двух элементов: «объективного, представляемого миром внешним, и субъективного, зоркости поэта <...> степень поэтической зоркости, ясновидения — все» (с. 177).

Красота — не просто нечто эстетически приемлемое, безупречное, по сути — это сама истина, которая добывается из сырого, необработанного материала жизни с помощью «зоркости» и не терпит грубого, прямого манифестирования: «...самая высокая мысль о человеке, душе или природе, предлагаемая вами поэту как величайшая находка, может возбудить в нем только смех, тогда как подравшиеся воробы могут внушить ему мастерское произведение. <...> Дайте нам прежде всего в поэте его зоркость в отношении к красоте, а остальное на заднем плане» (с. 178–179). Важно и то, что художник видит красоту там, где обыкновенный глаз и не подозревает красоты. Еще одна важная мысль: «Воплощая идеал, человек неминуемо воплощает самого себя».

Именно в статье о Тютчеве Фет высказал свое творческое кредо, за которое он впоследствии многократно подвергался насмешкам: «Все живое состоит из противоположностей <...> лирическая деятельность тоже требует крайне противоположных качеств, как, например, безумной, слепой отваги и величайшей осторожности (тончайшего чувства меры). *Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой, с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик* (курсив наш. — А. У). Но рядом с подобной дерзостью в душе поэта должно неугасимо гореть чувство меры» (с. 186–187).

Замечательна и мысль о том, что лишь подлинное, глубокое, философское содержание может придать произведению безупречную форму: «Художественность формы — прямое следствие полноты содержания» (с. 188).

Заслуживают внимания и размышления Фета о сложности воплощения современной темы, сформулированные ярко и оригинально. Он сравнивает искусство с фотографией: ни дагерротип, ни искусство «не могут снимать предметов движущихся. Изображая движение, искусство застает его только в данный миг и в нем увековечивает... В силу этого непреложного закона художники, с одной стороны, инстинктивно отворачиваются от современного содержания, а с другой — подвергаются нареканиям». «С неустановившимися историческими образами беда самому первоклассному поэту. Положим, что силою волшебного жезла он остановил движущийся образ... завтра же, по законам движения, все прелестные линии изломались и возбуждают всеобщее недоверие». Исключением Фет считает сатиру. «Порок примитивнее, а следовательно, неподвижнее добродетели <...>. Современные стихотворения, написанные вчера, нередко бледнеют сегодня» (с. 192–193).

Все эти размышления неопровержимо доказывают, что чистым «эстетом», сторонником отрешенного от жизни «искусства для искусства» Фет, по сути, никогда не был.

Чтобы познакомиться с другой, общественно-публицистической, стороной критической деятельности Фета, обратимся к самой крупной его работе — так и не опубликованной при жизни автора статье, посвященной роману Чернышевского «Что делать». Она начинается с широкой характеристики эпохи

¹Здесь и далее ссылки с указанием страниц даются в тексте по изд.: Фет А. А. Сочинения и письма: в 20 т. СПб., 2006. Т. 3.

реформ, которая опровергает укоренившееся мнение о Фете как о консерваторе. Он называет реформы «одним из знаменательнейших и интереснейших моментов нашей народной жизни» (с. 195).

В статье идет речь прежде всего о направлении, ярким выразителем которого явился этот роман: «Роман “Что делать” дорог для нас уже потому, что автор его еще в то время понял всю бесплодность одних вечных отрицаний и невозможность остановиться на них. Он давно осознал, как стыдно свистать в эту старую, засушенную и загаженную дудку бесплодного отрицания. Он ясно указал, *что делать* должно в интересах известной пропаганды» (с. 197–198). Далее Фет предпринимает блестящий саркастический пересказ, выявляющий всю легковесность, утопичность и неосуществимость предложенной Чернышевским оптимистической картины всеобщего счастья, прежде всего — семей Лопуховых и Кирсановых.

Фет видит опасность доктрины утопического социализма в том, что «выставляются отдельные члены безобразного тела, оставляя за собой возможность отрицания солидарности этих членов с уродливым целым» (с. 258). Демонстрируя новый тип поведения, привлекательный для многих (свобода любовных отношений, свобода поведения в иерархическом обществе, презрение к кастовым запретам и ограничениям, тесная организация доброжелательных единомышленников, сплоченных общим, выгодным трудом), социалисты скрывают все безобразное целое: отказ от частной собственности, денег, личного имущества, браков, семьи, традиционной морали, городской цивилизации, самого прогресса, умственного и нравственного неравенства. В итоге, как убедительно показывает Фет, неизбежно должна образоваться жесточайшая тоталитарная структура, где не дозволяется быть не только богаче, но и умнее, и способнее других, где нет искусств (они несут неравенство), нет науки, где за отклонениями от предписанного образа жизни установлен гораздо более суровый надзор, более «строжайшая цензура», чем в современном капиталистическом обществе, тоже, впрочем, достаточно несовершенном.

Фет справедливо отмечает, что если Гракх Бабеф открыто проповедовал весь комплекс этих утопических идей, то теперешняя сдержанность адептов социализма более вредна: «Они поняли нравственную невозможность явиться открыто с их доктриной во всем ее систематическом безобразии» (с. 258). Явились попытки придать этому учению «более приличный и цивилизованный вид» — такой попыткой Фет считает фурьеризм: «Основная мысль доктрины Фурье та же, что и в коммунизме, только прикрытая более приличною одеждою» (с. 251).

С. М. КЛИМОВА: — Вам известна ироническая реплика на эту статью Фета Ф. Достоевского о том, что некоторые из великих предлагают броситься вниз головой с седьмого этажа?

А. В. УСПЕНСКАЯ: — Конечно, мне известна эта реплика, относимая критиками на счет Фета. И как только над этим не издевались! Критики были неправы — они не учитывали сложную аналитическую формулу высказываний Фета, который был не

В статье подробно пересказывается программа Фурье: общинный, а потому «выгодный» труд, жизнь в фаланстере, разрешение женщинам иметь одновременно «супруга», «возлюбленного» и «производителя», возможность уплаты всего английского долга куриными яйцами и т. д.

Верно отметив причины невероятной популярности романа Чернышевского и объяснив его опасность, Фет, однако, убежден, что «такое учение не примется на нашей почве»: «Русская земля разделена между миллионами <...> собственников <...> кроме собственников в России нет народонаселения» (с. 257). Фет, будучи убежденным сторонником власти, проводящей кардинальные реформы в стране, формулирует ее позицию: «Государство положительно сказалось каждому из своих граждан: “Вот тебе больший или меньший клочок земли. Не надейся ни на руки рабов, ни на какие-либо <...> привилегии. Я берусь оградить твой мирный и законный труд от насилия и вторжения чужого произвола, а инициативу и средства к благосостоянию ищи в себе самом” (с. 258). Фет считает, что эта программа разумна — а потому осуществима, он убежден, что «целый народ не пойдет ломать себя в угоду теории эгоизма Лопуховых и Кирсановых», «социализм... никогда не осмелится у нас высказаться во всей своей цинической полноте, а будет, подобно улитке, по временам выставлять свои рожки-щупальцы» (с. 257). Остается только удивиться провидческому таланту Фета, как будто предвидевшего, что социалисты могут прийти к власти, только прикрывшись чуждыми им демагогическими лозунгами.

Вывод статьи прямо переключается с темой нынешней конференции, посвященной диалогу культур, противостоящему всяческой конфронтации. Фет пишет: «Мы не менее других желаем народного образования и науки, только не по выписанной нами обскурантной программе социалистов <...> наравне с другими мы чувствуем необходимость невыблемых гарантий свободному и честному труду». В то время как «под видом всеобщего равенства» социалисты отстаивают «особенные права в государстве отдельных народностей и сословий, натравливая таким образом — народ на народ, сословие на сословие и даже поколение на поколение <...> мы открыто не желаем смут и натравливаний одного сословия на другое» (с. 259).

Однако общественные настроения эпохи были таковы, что даже такой признанный консерватор, как Катков, не решился напечатать эту статью в «Русском вестнике», — и трезвый голос Фета, пытавшегося противостоять «деспотизму демагогов» (с. 259) в общей сумятице так и не был услышан.

* * *

только поэтом и критиком, но и философом. Достоевский с величайшим уважением относился к Фету.

Ю. В. ЗОБНИН: — Полагаю, что проблематика докладов и те дискуссии, которые возникали по ходу их обсуждения, внесли определенный вклад как в разработку проблемы восприятия классическим и современным литературоведением гуманитарных и культурных реалий России и мира, так и в общую тему диалога цивилизаций.